

Глава 7

Цзи Циньюй открыл рот, пытаясь объяснить.

Фу Хань уже захлопнул дверь кабинета. Вскоре после этого его секретарь три или четыре раза спешил к нему, срочно доставляя различные документы.

Цзи Циньюй полностью потерял настроение для сочинения песен в то утро. Не имея ничего делать, он заметил тетю Ван, занятую на кухне, подошел к ней, чтобы поздороваться, и предложил свою помощь.

Кухня семьи Фу была просторной, из окна виднелась пышная зелень, постоянно колыхавшаяся, как посланник ветра.

Цзи Циньюй закатал рукава, чтобы помочь тете Ван замесить тесто. Он был довольно искусен в таких делах; в детстве Линь Ин часто делала с ним пельмени. Тетя Ван несколько раз настаивала, что в этом нет необходимости, но в конце концов уступила настойчивости Цзи Циньюя.

«Я слышала, что ты любишь зеленые бобы, поэтому приготовила их специально для тебя», — сказала тетя Ван, раскатывая тесто.

Цзи Циньюй был несколько удивлен. «Я действительно люблю зеленые бобы».

Но он не помнил, чтобы кому-то об этом говорил.

Тетя Ван была прямым человеком и считала, что господин был практичным и добродушным. Беспокоясь, что он может чувствовать себя неловко, только что прибыв в резиденцию Фу, она тихо сказала Цзи Циньюю: «Господин Фу рассказал нам. Он также поделился с нами многими вашими привычками».

...Фу Хань?

Цзи Циньюй не поверил, подумав, что тетя Ван шутит. Он улыбнулся и не стал настаивать.

«На самом деле, есть причина, по которой хозяин и молодой хозяин были сегодня так рассержены», — продолжила тетя Ван. «Когда Фу Хань был маленьким, его мать еще была жива. Тогда атмосфера в доме была намного лучше, и хозяин с молодым хозяином были далеки от разрыва отношений».

«Просто позже мать Фу Ханя ушла». Тетя Ван начала рассказ, но не закончила его. Она, казалось, поняла, что это неуместно, и замолчала, перемешивая начинку для пельменей.

Цзи Циньюй осторожно спросил: «Что вы имеете в виду под «ушла»?»

«Он ушел, не попрощавшись. Он даже не взял с собой телефон и удостоверение личности, только наличные. Никто не знает, куда он уехал», — сказала тетя Ван. «Он был добрым омегой. Он часто играл в карты с нами, слугами, и после выпивки танцевал в гостиной. Кстати, он когда-то был танцовщиком национального уровня. Возможно, вы слышали о нем, господин? Его зовут Ло Шэн. У него было много поклонников».

Ло Шэн.

Цзи Циньюй был удивлен, что бывший ведущий танцовщик Национального театра, ушедший на пенсию на пике карьеры, вышел замуж за Фу Юньбая.

Это дело хранилось в еще большей тайне, чем другие дела семьи Фу. Возможно, только очень немногие инсайдеры знали подробности, остальные же оставались в неведении.

Цзи Циньюй раскатывал тесто для пельменей и начинал их один за другим.

Тетя Ван поспешила остановить его. «Хорошо, господин, вы только что вышли замуж. Эти задачи не для вас. Вы уже перенесли сегодня неоправданный гнев хозяина. Вам нужно отдохнуть».

Цзи Циньюй улыбнулся, его глаза закруглились. «Позвольте мне закончить их вместе с вами».

К тому времени, когда пельмени были поданы, Фу Хань все еще не закончил свою встречу. Секретарь просто остался снаружи, готовый в любой момент ответить на вызов Фу Ханя.

Цзи Циньюй пригласил его присоединиться к трапезе.

Секретарь выглядел озабоченным, с двумя большими темными кругами под глазами. Его лицо было слегка покрасневшим, он смущенно почесал голову и несколько раз поблагодарил Цзи Циньюя.

«Это ничего, правда. Я не сделал ничего особенного. Пожалуйста, ешьте», — сказал Цзи Циньюй, подталкивая миску к нему.

Он подумал о том, чтобы отнести миску Фу Ханю, но побоялся его потревожить. Фу Хань был вспыльчив, поэтому лучше не рисковать.

Пока он ел, секретарь болтал с Цзи Циньюем. «Господин, вам понравились пианино и музыкальное оборудование? Господин Фу долго их выбирал. Я помогал ему. Я думал, что они были для подарка, но он велел все доставить сюда».

«А?» Цзи Цинъюй был озадачен. «Может, это просто совпадение. Возможно, ему захотелось купить инструменты после того, как он побывал на концерте Цзи Жаня».

«Вы, наверное, не знаете, но он также попросил меня упаковать все из его офиса и привезти сюда. Раньше он не приходил домой по десять дней, а то и по месяцу», — пробормотал секретарь. «Если бы только господин Фу был так же внимателен на работе, как с вами».

Цзи Цинъюй опустил голову и потыкал ложкой в пельмени в своей миске, думая: «Если бы он действительно был таким с тобой, разве он не должен был бы оставить след на твоей шее?»

Многие вещи было трудно объяснить ясно. Цзи Цинъюй не воспринимал эти двусмысленные комплименты всерьез и не был заинтересован в том, чтобы вникать в определенные вопросы, поэтому он просто молчал.

В тот день Фу Хань работал до позднего вечера, прежде чем вышел поужинать, как раз когда Цзи Цинъюй собирался ложиться спать. Фу Хань редко выглядел уставшим, его рубашка была расстегнута у воротника, он смотрел на Цзи Цинъюя, опустив глаза.

«Эм, если ты занят, я буду спать в гостевой комнате», — сказал Цзи Цинъюй с улыбкой, надев хорошо сидящую хлопковую пижаму. Его волосы были слегка влажными от полотенца, и от него поднимался пар.

Фу Хань, однако, казался недовольным. «Как жена, разве ты не пренебрегаешь своими обязанностями?»

«Какими... какими обязанностями?» У Цзи Цинъюй сжалось горло. Он про себя проклял авторитарность Фу Ханя, но сохранял покорное выражение лица, внимательно наблюдая за реакцией Фу Ханя.

Фу Хань ухмыльнулся, достал сигарету, помедлил, а затем убрал ее. Наклонившись ближе, он тихим и ленивым голосом, словно пропитанным наркотическим опиумом, сказал: «А как ты думаешь? Согреть постель своего мужа, конечно».

Что за ерунда...

Цзи Цинъюй покраснел. У него были тонкие щеки, и когда он краснел, все его лицо становилось красным. Фу Хань всегда без труда произносил такие рискованные фразы.

Поколебавшись некоторое время, он наконец пошел в главную спальню. Он ожидал, что будет чувствовать беспокойство, но как только лег, сразу же заснул. Кровать с, несомненно, дорогой постелью мягко обволакивала его, как будто он плыл по облакам.

Через некоторое время его обхватило горячее тело. Он сонно открыл глаза и увидел яркие

глаза Фу Ханя. Фу Хань крепко прикрыл глаза Цзи Цинъюя рукой, а затем укусил его за губу.

Цзи Цинъюй замер, пассивно принимая поцелуй. Теплое дыхание Фу Ханя коснулось его лица, заставляя его закружиться голова. Аромат зеленой сливы напоминал сезон дождей в Цзяннане. Цзи Цинъюй никогда не был в Цзяннане, но всякий раз, когда он думал об этом, ему вспоминался Фу Хань.

Такой холодный человек, но с поразительно несоответствующим ароматом — кислым и нежным.

За его шеей мог исходить только слабый запах дождевой воды, недостаточный, чтобы успокоить Фу Ханя или передать его эмоции. Этот слабый запах дождевой воды вскоре был заглушен насыщенным ароматом зеленой сливы.

Вся комната была наполнена ароматом зеленой сливы, который держался до следующего утра.

Цзи Цинъюй спал крепко, его губа была в синяках. Когда он проснулся, на улице шел дождь, а Фу Хань снова исчез.

Он лежал в постели в оцепенении, а затем медленно поднялся. Дождливый день принес душную жару. Окно было окрашено в оттенки зеленого, а на его коже выступил тонкий слой пота. Кондиционер был включен на низкую температуру, но это мало помогало.

Цзи Цинъюй бродил по все еще незнакомому пространству. Он пошел в кабинет Фу Ханя, надеясь найти ноты среди стен книг.

Оглядевшись, он обнаружил только скучные справочники и полные тома на английском языке. Книги на верхней полке больше походили на развлекательное чтение. Встав на самый высокий табурет, он потянулся за ними.

Снаружи лился солнечный свет, и его отвлекло щебетание птиц. Он поскользнулся, схватил случайную книгу, падая с полки, и поморщился, потирая больное бедро.

Это была книга с рисунками, явно старая. Сидя на полу, он пролистал несколько страниц и понял, что это не печатная книга, а сборник детских рисунков. Работы были очень хорошо проработаны, казалось, отредактированы, с маленькими, аккуратно написанными заметками в правом верхнем углу почти каждой страницы. Цзи Цинъюй медленно прочитал их.

Что это? Дневник?

Нахмурившись, он продолжил листать.

«Мама любит пить. В его стакане звенят кубики льда с мятным вкусом. Он дал мне попробовать. Я попробовал. Было горько».

Почерк был детским и неаккуратным. Другая рука добавила рядом примечание: «Дети не должны пить! Только в этот раз!»

Рядом был нарисован смайлик.

«Мама и папа поссорились. Мама встала посреди ночи и выкурила целую пачку. Он думал, что я не знаю. Я подошел и обнял его, и он заплакал. Но он моя мама. Мамы и дети связаны между собой».

В заметке было написано: «Мама и папа больше не будут ссориться при тебе. Прости...»

«Папа порвал мой рисунок. Он сказал, что это пустая трата времени. Мама и папа сильно поссорились. Мне страшно. Я боюсь, что мама перестанет улыбаться. Мама, я больше не буду рисовать. Пожалуйста, не ссорься с папой».

С этой страницы рисунки не были исправлены, и не было никаких записок.

«...» Цзи Циньюй перелистал еще много страниц, теряя счет времени, пока не дошел до последней страницы, почувствовав приступ грусти.

«Мама не спала всю ночь. Он думал, что я сплю — это был последний раз, когда он поцеловал меня. Он сказал, что уходит, и велел мне не искать его. Я не открывал глаза, потому что знал, что, если проснусь, он не сможет уйти».

«Мама, в моем сердце ты — свободная маленькая белая птичка».

На последней странице была нарисована белая птица. Никто больше не делал исправлений для Фу Ханя. Птица выглядела как пухлый птенец, скорее как простой детский набросок.

Цзи Циньюй никогда не знал, что детство Фу Ханя было таким. Его собственное детство было счастливым, он был под защитой Линь Ин и играл со старшим братом из соседней фруктовой лавки. Даже когда позже наступили трудные времена, у него была поддержка.

Хотя он много критиковал нынешний подход Фу Ханя к решению проблем, он испытывал сочувствие к ребенку, которым когда-то был Фу Хань.

Он погладил свой живот. У него тоже когда-то был ребенок, но, как и мать Фу Ханя, он был жесток и бросил своего собственного ребенка.

Он вздохнул. Внезапно зазвонил телефон, лежавший рядом с ним — на дисплее было написано «Цзи Жань». Поколебавшись несколько секунд, Цзи Цинъюй ответил.

«Почему ты не ответил на мой звонок сегодня утром?» Голос на другом конце провода кипел от гнева.

Утром?

Цзи Цинъюй держал телефон включенным круглосуточно, боясь, что Цзи Жань не сможет до него дозвониться в случае чрезвычайной ситуации с Линь Ин. Но он действительно не слышал никаких звонков этим утром. Он взглянул на свой телефон — на нем не было пароля, но кто-то включил режим «Не беспокоить».

«Возможно, из-за дождя был плохой сигнал», — ответил Цзи Цинъюй, звуча сбитым с толку.

«Пришли мне песни, которые у тебя есть, даже если это незавершенные демо-версии», — сказал Цзи Жань. На заднем плане слышались слабые голоса, как будто кто-то разговаривал.

Цзи Цинъюй сжал телефон, впившись пальцами в угол альбома для рисования. «У меня нет новых песен. Может, выберем несколько из сорока, которые я уже написал?»

«Я уже выпустил все твои песни», — ответил Цзи Жань. «Хватит заставлять меня повторяться. Я просил тебя написать мне песню, а ты все время придумываешь отговорки».

По правде говоря, Цзи Жань мог легко найти кого-нибудь другого, кто написал бы несколько баллад в стиле Цзи Цинъюя, добавил бы в них рок-ритмы, и его поклонники, возможно, даже не заметили бы разницы. Цзи Цинъюй не понимал, почему Цзи Жань так одержим им.

Цзи Жань прислал несколько фотографий. На них он стоял у палаты Линь Ин в больнице. В палате было полно врачей, и один из них держал шприц.

Голос Цзи Жана оставался спокойным, обманчиво спокойным. «Не думай, что брак с Фу Ханем что-то изменит. Если ты расскажешь Фу Ханю то, что не должен, я могу позаботиться о том, чтобы тетя попрощалась с тобой, прежде чем ее перевезут».

Сердце Цзи Цинъюя забилось чаще.

«Не трогай ее. Я напишу», — сказал Цзи Цинъюй, стараясь сохранить ровный голос. «Скажи им, чтобы отложили шприц. Я сразу же начну писать».

Цзи Жань постучал по стеклу. Один из врачей внутри поднял голову и вышел, чтобы спросить, в чем дело.

«Подождите с инъекцией, — сказал Цзи Жань. «Член семьи не согласен».

Пальцы Цзи Цинъюя побелели. Он с трудом встал, положил альбом обратно на книжный шкаф и прислонился к нему, чтобы удержаться. Ноги у него подкашивались.

Как раз когда Цзи Жань собирался сказать что-то еще, за дверью раздался голос Фу Ханя.

«Где он?» — спросил Фу Хань, тетю Ван. Цзи Жань, похоже, тоже услышал голос и быстро повесил трубку.

Цзи Цинъюй попытался встать, но ноги подкосились, и он упал на пол. Заныли запястья и колени.

Фу Хань резко открыл дверь, его манера поведения была внушительной. Но когда он увидел состояние Цзи Цинъюя, его хмурый взгляд смягчился. Его голос стал мягче, хотя в нем все еще слышался оттенок упрека. «Что случилось?»

Для вас старалась команда Webnovels

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/15790/1413142>